

«ДЕТСКИЙ ТЕКСТ» В ПОЛИФОНИЧЕСКИХ РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: В статье раскрывается смысл понятия «детский текст», рассматриваются два направления в развитии «детского текста» русской литературы XIX в. Особое внимание уделяется понятию «сверхтекст». Детство в романах Достоевского трактуется как феномен, концепция жизни, философская идея, символ, миф, особое «пространство» и др. Кроме того, прослеживается общая тенденция движения «детского текста» от «Преступление и наказание» до итогового романа «Братья Карамазовы».

Ключевые слова: полифонический роман, «детский текст», «сверхтекст», тема, образ, художественный смысл.

1. О двух методологических предпосылках темы

Терминологическое сочетание *полифонический роман* употребляется нами в соответствии с широко известной теорией романа, обоснованной М.М. Бахтиным (Бахтин 1972). Это роман многоаспектный, многоголосый, музыкально организованный, в котором «голоса» персонажей звучат наравне друг с другом и с голосом автора.

Словосочетание «*детский текст*» сегодня уже обрело терминологический статус (Полтавцева 2000: 61). Оно подсказано основополагающими работами выдающегося культуролога, семиотика и литературоведа Владимира Топорова, который ввёл в литературоведческий обиход такое понятие, как «петербургский текст» русской литературы. Петербургский текст ученый рассматривает как некий «сверхтекст», т.е. единство всего написанного в русской литературе о Петербурге с момента возникновения города; текст со своей структурой и идеей,

идеей города русской культуры, идеей провидческой, пророческой или, как пишет В. Топоров, профетической. Исследование ученого оказалась весьма продуктивным в методологическом плане: появились интересные работы о «московском» тексте, «одесском», «киевском» и др.

На наш взгляд, употребление терминологического сочетания «детский текст» вполне оправдано (далее «ДТ». – Т.С.) Под ДТ русской литературы мы понимаем *некий «сверх-текст»*, т.е. корпус и совокупность того, что было написано о детях и детстве в выдающихся, «веховых», знаковых произведениях русской классики. Словоупотребление «детский текст» шире, чем словоупотребление «тема детства». В этом понятии содержатся разные смыслы: *детство как феномен, как концепция жизни, философская идея, как символ, миф, особое «пространство детства», детское начало во взрослом* и др. У ДТ своя структура, своя эволюция, свой язык, своя организованность по вертикали (диахронно) и по горизонтали (синхронно). Он может рассматриваться также как некая смысловая общность и мировоззренческая категория.

О детях и детстве писали С. Аксаков, Л. Толстой, Ф. Достоевский, И. Бунин, А.М. Горький, А. Платонов и др. Образы детей и детства в их творчестве стали неотъемлемой, едва ли не обязательной частью художественного мира этих писателей. Приоритет ребёнка для них был бесспорен, его абсолютная ценность не вызвала никаких сомнений. Детские образы в их произведениях неповторимы и незабываемы, они придают произведениям особый колорит, дают ощущение светлой идеи, побеждающей все конфликты, вызывают чувства надежды, теплоты и веру в прекрасное будущее, а также шемящую тоску и грусть.

В структуре и развитии ДТ русской литературы XIX-XX вв. можно выделить два направления. Один пласт составляют произведения, воплотившие «эпос детства», поэтизирующие семейную хронику и тему становления личности ребёнка. С. Аксаков, Л. Толстой, И. Бунин дали русской литературе психологически достоверную прозу, отличающуюся «чистотой нравственного чувства», апологией семьи, редкостным показом сложного процесса взросления ребёнка. Другое направление представляют Достоевский и Платонов. Показывая трагизм детской жизни, тем не менее, они связывали с образом ребёнка и феноменом детства надежду на светлое будущее всего человечества. Достоевский отвергает счастье и мировую гармонию, если они были «оплачены» хотя бы одной «слезинкой ребёнка». Платонов в «Котловане» не приемлет строительства «общепролетарского дома», создающегося буквально на «детских костях».

2. ДТ Достоевского: развитие, «сфера смыслов», образы детей и детства

В художественном мире Достоевского образ ребёнка является неотъемлемой, обязательной частью изображения мира и человека. Рисуя детей, писатель не жалеет ярких красок и сокровенных слов. Он не боится быть сентиментальным, не стесняется слёз, нежности, теплоты, не пренебрегает мелодраматизмом и эффектом умиления.

В полифонических романах писателя (от «Преступления и наказания» до «Братьев Карамазовых») ребёнок рассматривается как эпицентр общества и даже всего универсума, выступает в роли своеобразного «судьи», является беззащитной и легко ранимой совестью человечества, служит безошибочной проверкой что есть добро, зло, правда, ложь. Отношение к детям помогает писателю определить состояние здоровья общества и установить правильный диагноз, если оно нездорово.

В «детском тексте» «Преступления и наказания» (1866) доминируют мотивы жгучего сострадания и «надрыва». Мучения детей Екатерины Ивановны Мармеладовой показаны доведенными до крайнего предела; дети возле умирающего отца: «Полечка в страхе забила с детьми в угол на сундук, где, обняв обоих маленьких, вся дрожа, стала ожидать прихода матери» (Достоевский 1969: 421); дети у гроба матери: «все они (дети) стояли у гроба, на коленях, Полечка плакала (Там же, 454). Таков же масштаб детского страдания и в «Униженных и оскорбленных» (1861), в произведении, которое написано в преддверии полифонических романов писателя. В облике тринадцатилетней Нелли Смит показана трагическая жизнь ребенка, приведшая к смерти. Старик Ихменев говорит рассказчику о детских муках: «Это я, видишь, Ваня, смотреть не могу, ...как эти маленькие невинные создания дрогнут от холоду на улице... из-за проклятых матерей и отцов. А впрочем какая же мать и вышлет такого ребёнка на такой ужас, если уж не самая несчастная!...» (Достоевский 1971: 179)

В «детском тексте» Достоевского дети показаны с разных сторон: они могут быть и равнодушными, и крайне жестокими; тем более высоки и благородно деятельны образы таких взрослых, которые, как князь Мышкин и Алеша Карамазов, продвигают ожесточившихся детей к добру и милосердию. В романе «Идиот» (1868) выдающиеся страницы ДТ посвящены истории несчастной швейцарской девушки Мари, в которую дети сначала бросали камни, а потом, благодаря Мышкину, полюбили: «Они по-прежнему приносили ей гостинцев, но она почти ничего не ела. Через них, уверяю вас, она умерла почти счастливая. Через них она забыла свою чёрную беду, как бы прощение от них приняла, потому что до самого конца считала себя великою преступницею. Они, как птички, бились крылышками в её окна и кричали ей каждое утро: "Nous t'aimons, Marie". ["Мы тебя любим, Мари" (*франц.*)]». (Достоевский 2007: 102). Так князь Мышкин стремится построить на земле Царствие Божие, через детей обратить всех людей к гармонии, счастью и радости. Благодаря упорству Мышкина, его постоянным разговорам с детьми, они в конце концов поняли, что нет ничего важнее доброты и милосердия.

Среди взрослых Мышкину не так комфортно, как среди детей, потому что мир взрослых – это мир, закосневший в недоверии, равнодушии и жестокости; жители деревни запрещают детям навещать больную Мари, устраивают гонение на Мышкина. Заметим попутно, что «детскость взрослого» для Достоевского – важнейшее свойство гармоничной человеческой натуры. Благодаря этому качеству Мышкин сразу привлёк к себе Лизавету Прокофьевну, Аглаю, Александру и Аделаиду, и сам распознал в них родственные души «взрослых детей», чистых, чутких, справедливых, добрых: «А то, что вы про моё лицо сказали, то всё совершенная правда: я ребенок и знаю это. Я еще прежде вашего знала про это; вы именно выразили мою мысль в одном слове. Ваш характер я считаю совершенно сходным с моим и очень рада; как две капли воды», – говорит Мышкину Елизавета Прокофьевна Епанчина (Достоевский 2007: 106). Сцена знакомства с Епанчинными отсылает читателя к евангельской заповеди Христа: «Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него» (Ев. от Луки, 18,17).

Исследователь А.Б. Галкин отмечает: «Знаменательно, что в "Братьях Карамазовых" Достоевский разрабатывает сходную (с историей Мари – Т.С.) сюжетную ситуацию. Жестокие дети превращаются в "птиц небесных", а Алёша Карамазов закладывает камень новой веры вместе с двенадцатью детьми, своими учениками. Смерть Илюшечки, по словам Алёши, явится "святым воспоминанием" детства, которое "может послужить когда-нибудь во спасение". Алёша Карамазов, следовательно, наряду с князем Мышкиным, тоже становится образным воплощением Христа. Дети же должны напомнить читателю о двенадцати апостолах. Евангельская метафора – камень новой веры – материализована Достоевским в предметный образ – камень Илюшечки, у которого Алёша и его ученики клянутся следовать избранному пути» (Галкин 2001: 329).

В «Братьях Карамазовых» (1880), итоговом романе писателя, прозвучал знаменитый тезис о «слезинке ребёнка». Достоевский отказывается от счастья, если оно было оплачено слезинкою ребёнка. Слезы невинных «деток» побуждают Ивана Карамазова вернуть «билет на вход» в Царство Небесное. Новое жизнестроительство, по мнению писателя, может возникнуть лишь на основе *союза детей* (эту надежду внушают мальчики, внимающие речи Алеши в финале «Братьев Карамазовых»). Объединение детей в «неформальную церковь союзников», с его точки зрения, – залог будущей гармонической жизни общества (Полтавцева 2000: 67).

Детство осмысливается писателем как чистота, высшая правдивость, источник радости бытия и любви. Иван Карамазов говорит брату Алёше: «...Деток можно любить даже и вблизи, даже и грязных, даже дурных лицом (мне, однако же, кажется, что детки никогда не бывают дурны лицом)... о больших я и потому ещё говорить не буду, что, кроме того, что они отвратительны и любви не заслуживают, у них есть и возмездие: они съели яблоко и познали добро и зло и стали "яко бози". Продолжают и теперь есть его. Но деточки ничего не съели и пока ещё ни в чём не виновны» (Достоевский 2014: 291).

Несправедливость мира глубоко волнует Ивана Карамазова, он мучительно ищет ответ на вопрос – за что страдают дети? – и не находит его. Отсутствие ответа вызывает в нём неверие в мудрость творения, сомнение в непогрешимости Бога, допускающего детские

муки. Иван готов немедленно отказаться от высшей гармонии, от всемирного счастья людей, от истины, потому что эти высокие понятия скомпрометировали себя слезами невинных детей. «Не стоит она (мировая гармония – Т.С.) слезинки хотя бы одного только того замученного ребёнка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискуплёнными слёзками своими к «боженьке»! Не стоит потому, что слёзки его остались неискуплёнными», – говорит Иван Карамазов Алёше (Достоевский 2014: 299).

Сон Дмитрия Карамазова, который сам похож на ребёнка, – наивен и доверчив, также важнейший идейно-художественный элемент ДТ в романе. Мите приснился какой-то странный сон о погорельцах и плачущем младенце. Сон вызвал мучительные вопросы, адресованные мужику-вознице и, конечно, самому себе: «Нет, нет – всё будто ещё не понимает Митя, – ты скажи: почему это стоят погорелые матери, почему бедны люди, почему бедно дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не целуются, не поют песен радостных, почему они почернели так от чёрной беды, почему не кормят дитё?» (Достоевский 2014: 608-609). Плачущее «дитё», образ которого всегда тревожил подсознание Дмитрия Карамазова, является для героя не только символом человеческого страдания, но и знаком коренной несправедливости общественного устройства, сигналом к его немедленному преобразованию в духе всемирного братства людей. На фоне безмерных людских страданий его собственные проблемы показались Мите мелкими и неважными. Проснувшись, он вдруг ощутил «небывалое умиление», желание переделать мир, «чтобы не плакало больше дитё»; это великое желание он готов осуществить «со всем безудержем карамазовским»; обратим внимание на необычный и весьма показательный авторский неологизм: «безудерж». Свой сон герой в итоге называет «хорошим», он явился как озарение, преобразившее Митю, как «кульминация его духовного развития» (Пушкарёва 1998: 10): «"Я хороший сон видел, господа", – странно как-то произнёс он, с каким-то новым, словно радостью озарённым лицом» (Достоевский 2014: 610).

Несмотря на трагичность событий, описываемых в романе «Братья Карамазовы», жизнеутверждающий пафос эпилога делает его гимном добруму и божественному началу в человеке, источником и хранилищем которого является детство. Достоевский руководствуется евангельскими истинами (Евангелие от Луки). Выразителем евангельской мысли «Кто не примет Царства Божия, как дитя, тот не войдет в него» становится Алёша Карамазов, сумевший изменить жестоких и равнодушных мальчиков, которые сначала издевались над своим товарищем, Илюшей Снегирёвым, а потом, под влиянием Алёши, сумели открыть в себе доброту и милосердие.

Алеша Карамазов – один из немногих героев ДТ, который не просто рассуждает о детях, но и непосредственно общается с ними, как, кстати, и Мышкин. Изменение общества Алеша начинает с изменения детей. Уберечь пластичные детские души от зла, укрепить их на пути добра, своим примером показать «нравственный закон» любви и веры – вот в чём видит свою задачу ученик старца Зосимы.

ДТ Достоевского от романа к роману развивается в символическом и предельно обобщённом плане. Писатель рассматривал образ ребёнка как мифопоэтический феномен, а детство как изначальную архетипическую константу бытия, основу духовной жизни человека. По убеждению Достоевского, ребенок – это общечеловеческий символ и ценность, мерило жизни, шкала истины при оценке исторического движения общества. Все страницы и эпизоды ДТ Достоевского, рисующие как страдающих детей, так и детей, преобразённых словом веры, надежды и любви, созданы художником с особенной, эмоционально повышенной интонацией, внушающей читателю чувство сострадания, мысль о переустройстве человека и общества по законам добра и милосердия.

Suzanskaia T. N.

“Children’s text” in F.M.Dostoevsky’s Polyphonic Models.

Abstract: The article explains the term “children’s text”, analyses two directions in the development of the “children’s text” of 19th century Russian literature. Special attention is given to the notion of “supertext”-children in Dostoevsky’s novels is viewed as a phenomenon concept of life, philosophical idea, symbol, myth, special “space” etc. Additionally, the general tendency of “children’s text” evolution from “Crime and Punishment” to “The brothers Karamazov” is being determined.

Keywords: polyphonic novel, “children’s text”, “supertext”, theme, image, literary sense.

Библиография:

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: Эксмо, 2014.
2. Достоевский Ф.М. Идиот. – М.: Хранитель, 2007.
3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – М.: Художественная литература, 1969.
4. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные. – М.: Художественная литература, 1971.
5. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972.
6. Галкин А.Б. Образ Христа и концепция человека в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. – М.: Наследие, 2001.
7. Полтавцева Н.Г. Текст и интертекст в детских рассказах А. Платонова 50-х годов. // Творчество Андрея Платонова. – СПб.: Наука, 2000.
8. Пушкарёва В.С. Дети и детство в творчестве Ф.М. Достоевского и русская литература второй половины XIX века. – Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 1998.